

Итак, этюд ставит самому себе границы, которые не может преодолеть. И главная из них — невозможность погружения в глубину человеческих переживаний, чувствований, страстей. Работа над большой вещью не только строится по более сложным законам драматургии (что очевидно и понятно!), но и требует гораздо более серьёзного и ответственного чувства писателя по отношению к жизни и человеку.

* * *

Чему же мы пытаемся их научить? Писать? Но это (хотя бы и абсолютно невозможно!) на самом-то деле довольно легко: есть несколько основных правил драматургии, которые можно заставить вы зубрить, запомнить и применять в каждой пьесе. Это легко — и вполне бесполезно, потому что технологии — ещё не содержание, как бы нас ни пытались убедить в обратном самые высокопоставленные гуру.

Так чему? Я думаю, всё-таки — смотреть выше и чувствовать глубже, чем они (да и все мы!) привыкли. Ощущать боль и счастье жизни — сильнее, чем это принято в повседневности. В общем, по слову великого мыслителя XX века Ивана Ильина — искать свой путь к очевидности. Мы хотим, если уж быть совсем честными перед собой и перед ними, чтобы им стало труднее жить и писать, потому что это — единственный способ стать настоящим человеком, силой своего слова способным изменить мир.

В. И. ГУСЕВ*

О ЛИТЕРАТУРЕ, ДЕЛАЕМОЙ НА ЗАКАЗ

Этюды относятся к той сфере, о которой в последнее время говорят — «маргинальные жанры». Это всё более заметно в литературе. Специфика их в том, что они не относятся ни к одному из традиционных и общепринятых жанров в прозе, но обладают той или иной степенью художественности в исполнении.

Этюд отличается тем, что это литература, делаемая на заказ. На заданную тему.

Вообще-то искусство, и даже большое искусство, не удивишь такой ситуацией. Достаточно назвать имена Леонардо да Винчи, Микеланджело и др.

В литературе творчество «на заданную тему» встречается реже. Хотя как реже? А журналисты, газетчики?

Тут встаёт вопрос о разнице между этюдом и журналистикой.

У журналиста, газетчика — свои практические, прагматические задачи. Автор этюда должен обнаружить художественные способности как таковые.

В каком случае это возможно?

Человек творческого склада копит свой душевный и духовный опыт, но иногда не знает, куда его спроецировать, как говорят, объективировать: на какой материал. Литературный критик знает, на какой: сам выбирает или ему

* Владимир Иванович Гусев — прозаик, поэт, критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы и литературной критики, руководитель семинара критики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

опять-таки предлагаются произведения искусства, которые следует оценить и попутно высказать свои собственные идеи, своё отношение к жизни и т. д.

А если не критик? Если душевный, духовный и творческий запас, багаж, опыт уже накопился, а *материала*, куда спроецировать, — пока нет?

Вот тут залог удачи *творческого этюда*... Материал, тема предлагается. Предлагается тема, заведомо интересная для художника как художника.

Если автор внутренне воспринял эту тему, то успех обеспечен.

Ну а если запаса, опыта и т. д. нет, то уж не взыщите.

Этюд — это особый и ответственный жанр.

Ю. С. АПЕНЧЕНКО*

ЦЕНТР ТРИАДЫ

Этюд, по моему разумению, не только один из основных вступительных экзаменов в Литературный институт — это часть некоей триады, общего испытания на владение словом, первоэлементом всякой литературы. Ему, этому экзамену, предшествует не менее важная часть триады — творческий конкурс. По текстам, представленным на конкурс, можно судить об общей литературной подготовке и культурном уровне автора, его интересам и образе мыслей. А следует за этюдом оценки знания правил языка, грамматики (при чтении этюдов, кстати, эта сторона текста формально не оценивается, хотя и держится в уме).

Что же составляет суть оценки? И почему? И для чего?

Для меня, например, о многом говорит сам выбор темы. Тем ведь несколько, не меньше шести, а иногда и больше. Соотнося выбор с прочитанными ранее конкурсными текстами, можно сделать некоторые выводы о литературных предпочтениях абитуриента, о его жизненных интересах, об осведомлённости, о смелости наконец.

В этюде, далее, так или иначе проявляется степень зрелости мышления автора, его осведомлённости не только в литературе школьного курса, но и в жизни: на какие примеры и образы он ссылается, на какие опирается наблюдения.

Очень важная черта этюда — свобода воображения — в какой последовательности выстраиваются отдельные эпизоды, как — и насколько небанально — они связаны. В этом отношении этюд, на мой взгляд, выступает не только подобием экзаменационного сочинения при отборе на другие (в том числе — филологические) специальности, сколько его противоположностью. Иногда кажется: всё в сочинении на месте, всё на месте, а прочитал — и забыл. Образцовое школьное сочинение, а литературное произведение — никакое. Это, пожалуй, одна из главных сложностей оценки этюда. На моей памяти есть несколько этюдов, которые я помню и через десяток лет. Их немного, но они есть.

Ознакомляя поступающих с темами этюдов, я всегда особо предупреждаю их: хорошо обдумайте, о чём будете писать. Это важно. Далеко не все

* Юрий Сергеевич Апенченко — поэт, журналист (публицист), доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара очерка и публицистики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru